

0-790166

На правах рукописи

СУББОТИНА Инга Кеворковна

**ЯЗЫКОВАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛИЧНОСТЬ А. ГАЙДАРА
В ЛИНГВОРИТОРИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРАХ
СОВЕТСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННО-ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА**

10.02.19 – Теория языка

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Нальчик – 2011

Работа выполнена на кафедре русской филологии ГОУ ВПО
«Сочинский государственный университет туризма и курортного дела»

Научный руководитель –
доктор филологических наук профессор
Ворожбитова Александра Анатольевна

Официальные оппоненты:
доктор филологических наук доцент
Гусаренко Сергей Викторович

кандидат филологических наук доцент
Будаева Людмила Ахматовна

Ведущая организация –
ГОУ ВПО «Кубанский государственный университет»

Защита диссертации состоится 1 июля 2011 г. в 15.00 часов на заседании совета Д 212.076.05 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата филологических наук при ГОУ ВПО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова» (360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ГОУ ВПО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова» (360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173).

Автореферат разослан 31 мая 2011 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000687887

Ученый секретарь
диссертационного совета

 – Чепракова Т.А.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность проблемы исследования обусловлена тем, что на современном этапе развития российского общества, в постсоветском социокультурно-образовательном пространстве происходит – на новом витке исторической спирали – всестороннее гуманитарное, филологическое и лингвистическое осмысление феномена советского дискурса и специфики языковой личности его продуцента и реципиента. При этом актуальной исследовательской призмой правомерно считать лингвориторическую парадигму, рассматривающую, во-первых, идеологические аспекты речемыслительного процесса (этнос, логос и пафос), во-вторых, уровни структуры языковой личности продуцента и реципиента дискурса (мотивационный, лингвокогнитивный, вербально-семантический), в-третьих, – этапы универсального идеоречевого цикла «от мысли к слову» в речемыслительном процессе (инвенцию, диспозицию, элокуцию). Особым типом языковой личности советской эпохи является литературная личность – продуцент текстового массива советской литературы, в том числе детской. В связи с этим представляется важным комплексный лингвориторический анализ гайдаровского идиодискурса, художественно воплотившего официальную идеологию и язык ушедшей советской эпохи, однако продолжающего оставаться актуальным предметом изучения для филологической науки.

Объектом исследования является художественный дискурс Аркадия Гайдара, выдающегося детского писателя советской эпохи. *Предмет исследования* – лингвориторические параметры идиостиля советской языковой и литературной личности – продуцента художественно-идеологического дискурса.

Цель работы – исследовать особенности идиодискурса А. Гайдара как советской языковой и литературной личности в лингвориторической парадигме.

Задачи исследования:

1) определить теоретико-методологические основы лингвориторического исследования идиодискурса советской языковой и литературной личности, обосновать введение терминов «художественно-идеологический дискурс (ХИД)», «советский ХИД», осуществить категориальную разработку данных понятий, охарактеризовать лингвориторические параметры советского ХИД (20-е – начало 40-х гг. XX в.);

2) установить особенности интерпретационной вариативности ХИД на материале исследований личности и творчества А. Гайдара в советский и постсоветский периоды, выявить с позиций лингвориторического подхода закономерности смысловой динамики филологического дискурса-интерпреганты в его социополитической обусловленности;

3) выявить на материале гайдаровского идиодискурса специфику реализации трех групп лингвориторических параметров: этносно-мотивационно-диспозитивных, логосно-тезаурусно-инвентивных, пафосно-вербально-элокутивных, – определяющую особенности идиостиля советской литературной личности, продуцента ХИД;

Гипотеза исследования. Идиодискурс советской литературной личности – разновидность ХИД как продукта творческого речемыслительного процесса в условиях жесткой идеологической регламентированности, в период смены политической доктрины демонстрирует полярную интерпретационную вариатив-

ность. Идиостилевая специфика советской языковой и литературной личности А. Гайдара, продуцента ХИД для детей и юношества, может быть установлена в результате комплексного анализа в рамках лингвориторической парадигмы.

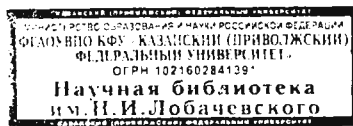
Материалом исследования послужили тексты А. Гайдара, адресованные детям: рассказы «РВС» (1926), «Четвертый блиндаж» (1931) «Пусть светит» (1933), «Голубая чашка» (1936), «Дым в лесу» (1939), «Чук и Гек» (1939), повести «На графских развалинах» (1929), «Обыкновенная биография» (1929) / «Школа» (1930), «Дальние страны» (1932), «Военная тайна» (1935), «Судьба барабанщика» (1939), «Тимур и его команда» (1940), сказка «Горячий камень» (1941); короткие рассказы «Василий Крюков» (1939), «Маруся» (1940), «Советская площадь» (1940), «Поход» (1940), «Совесть» (1940), незавершенная повесть «Бумбараш» (1936–1937); корпус литературно-критических работ советского и постсоветского периодов об идиодискурсе А. Гайдара.

Теоретико-методологическую основу исследования составили достижения антропоцентрической лингвистики (Г.И. Богин, Ю.Н. Караулов и др.), теории дискурса (Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов, Ю.С. Степанов и др.), психолингвистики (В.П. Белянин, Л.С. Выготский, В.В. Красных, А.Р. Лурия и др.), лингвокультурологии и когнитивной лингвистики (С.Г. Воркачев, Е.С. Кубрякова, В.А. Маслова, С.Г. Тер-Минасова и др.), концепция лингвориторической парадигмы (А.А. Воробитова); работы, посвященные советскому дискурсу (Г.Ч. Гусейнов, Е. Добренко, К. Келли, М.А. Кронгауз, Н.А. Купина, О. Ронен, Г.Г. Хазагерев, М.О. Чудакова, В.Н. Шалагинов и др.), исследования специалистов по детской литературе и ученых-гайдароведов (Т.В. Доронина, М.В. Казачок, И. Мотяшов, К.И. Чуковский, С. Чуянов и др.).

В процессе исследования применялись *методы* системного, контекстного, описательного, концептуального анализа, дистрибутивный, интерпретации текста, интертекстуального сопоставления, лингвориторический; методики наблюдения, описания, языкового и внеязыкового соотношения, «вторичной реконструкции».

Научная новизна исследования обусловлена введением категории художественно-идеологического дискурса (ХИД) как продукта речемыслительного процесса литературной личности в условиях тоталитарного государства; разработкой категории «советский ХИД» с выявлением лингвориторических особенностей советского ХИД 20-х – начала 40-х гг. XX в., типологических черт советского ХИД для детей и юношества; лингвориторическим анализом филологических интерпретаций гайдароведов советского и постсоветского периодов в рамках процессов создания и деконструкции идеологического мифа; выявлением системообразующих для идиостиля А. Гайдара как советской языковой и литературной личности характеристик в рамках трех групп лингвориторических параметров анализа его текстового массива.

Теоретическая значимость диссертации определяется тем, что постулированы, обоснованы и понятийно разработаны термины «художественно-идеологический дискурс (ХИД)» и «советский ХИД»; филологический дискурс-интерпретанта ХИД А. Гайдара в его социополитической временной динамике рассмотрен в аспектах мифологизации, демифологизации, рекультивирования;

выявлена идиостилевая специфика лингвориторического инструментария А. Гайдара в рамках параметров: этосно-мотивационно-диспозитивных (нравственно-этические постулаты, ценности и устремления, техника риторического выдвижения концептуально значимой художественной информации), логосно-тезаурисно-инвентивных (система базовых идеологем, оппозиции базовых концептов авторской картине мира, многоуровневая «инвентивная сетка»); пафосно-вербально-элокутивных (эмоционально-экспрессивная компонента идиостиля А. Гайдара как маркер его текстов).

Практическая значимость исследования заключается в возможности использовать его результаты в процессе преподавания курсов теории языка, риторики, стилистики, литературы XX века, спецкурсов и спецсеминаров, повышающих исследовательскую направленность образовательного процесса в вузе; в преподавании литературы в профильных классах школ; на курсах повышения квалификации учителей-словесников.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. *Художественно-идеологический дискурс (ХИД)* – литературно-художественный текстовый массив в совокупности с экстралингвистическими факторами, процесс и результат творческой речемыслительной деятельности языковой личности писателя, выражающего в условиях политической диктатуры заданную идеологическую доктрину в системе художественных образов. *Советский ХИД* – официально разрешенная в большевистской России разновидность ХИД, ведущие сущностные признаки которой – наличие жестко регламентированного идейным спектром марксизма-ленинизма лингвориторического канона, обеспечивающего социально-педагогический, воспитывающий характер ХИД, реализуемый путем массивованного воздействия на коллективную языковую личность реципиента в целях ее идеологической трансформации на всех уровнях: вербально-семантическом, лингвокогнитивном, мотивационном. Советский ХИД, адресованный детям и юношеству, базирующийся на лингвориторическом каноне советского ХИД для взрослого реципиента, сформировавшемся в 20–40-е гг. XX в., реализует идейно-тематическую заданность в интригующем содержании, динамичном сюжете и системе языковых средств, адекватных интерпретативной способности реципиента.

2. Категориальным свойством ХИД как проводника государственной политики в общественное языковое сознание является его полярная интерпретационная вариативность, т.е. наличие альтернативных трактовок ХИД, обусловленных не просто объективной вариативностью интерпретаций действительности, а ниспровержением политической доктрины, влекущей за собой деконструкцию ее исходного мифа. Смысловая динамика филологического дискурса-интерпретанты гайдароведов отражена в процессах мифологизации (советский период), демифологизации (эпоха перестройки 1985 г.) и частичного рекультивирования (постсоветский период). Мифологизация формирует идеализированное представление о литературной личности и ее творчестве в контексте революционной идеологии; демифологизация включает контрарный и комплементарный типы интерпретаций. Анализ дискурса-интерпретанты в системе трех групп лингвориторических параметров демонстрирует кардинальную смену

идеологического вектора: от героизации литературной личности А. Гайдара к полному или частичному переосмыслению советского мифа.

3. Гайдаровский *этнос* базируется на неразрывном взаимопроникновении ценностей классовых (честь большевика, идейная стойкость борца за коммунизм, преданность общему делу, смелость, ненависть к врагам революции) и общечеловеческих (гуманизмом, сострадание, жалость, наивно-образное восприятие мира), которым обусловлена определенная парадоксальность феномена советской литературной личности. *Мотивационные установки* продуцента ХИД, имплицитно представленные в текстовом массиве, подчинены деятельностно-коммуникативной потребности социально-педагогического характера: воспитать в подрастающем поколении искреннюю преданность делу большевиков. *Диспозитивный каркас* гайдаровского текстового массива характеризуют дедуктивный способ повествования (интрига и постепенное ее разгадывание путем индуктивных обобщений), динамика прагматических коммуникативных стратегий, четкое структурирование уровней как текстов отдельных произведений, так и дискурса в целом. Свойственное советскому ХИД отсутствие в качестве сильных текстовых позиций ярко выраженных прецедентных феноменов компенсируется оригинальными композиционными решениями и ключевыми знаками: заглавие, абсолютные начало и конец текста, вставные фрагменты как реализация приема «текст в тексте», в том числе песенные вкрапления; пейзаж, внутренняя речь героев, авторское обращение к читателю и др.

4. *Логосный аспект* идиостиля А. Гайдара представлен базовыми идеологемами «Светлое будущее», «Советское – значит лучшее», «Красная Армия всех сильнее», «Счастливое детство», «Пионер – всем ребятам пример», «Нет победы без потерь». Идеологическая антитеза двух ментальных миров: революционного («красные», герои, освободители от угнетения и рабства) и контрреволюционного («проклятые буржуины», порабошающие народ) – реализуется в системе концептуальных оппозиций, репрезентирующих доминанты *лингвокогнитивного уровня* языковой личности писателя: «Жизнь / Смерть», «Добро / Зло», «Свой / Чужой», «Коллективизм / Индивидуализм» – объективируемых в индивидуализированной системе художественных образов. Строго регламентированные советским ХИД темы гражданской войны, социалистического строительства, детства, семьи – узловые в *инвентивной сетке* дискурса А. Гайдара – на идиостилевом уровне отличаются новыми подходами к их репрезентации; текстовая многослойность переводит гайдаровские тексты для юного читателя в разряд универсальных, обнажающих для разных возрастных групп и эпох свои смысловые пласты.

5. Эмоциональная экспрессия *пафоса* А. Гайдара имеет идиостилевую специфику риторических и лингвистических способов выражения. Идеи сплочения, твердости, крепости, силы фокусируются в концентрированный заряд психологического воздействия на реципиента благодаря ярко выраженному *героико-романтическому пафосу*. При этом *трагический пафос*, обычно не свойственный текстам для детей, подчеркивает глубинный мировоззренческий конфликт между ценностями классовыми и общечеловеческими: на *вербально-семантическом уровне* языковой личности продуцента доминирует лексико-

семантическая группа «война» с разветвленной системой номинаций. Гайдаровский идиостиль определяют: синтаксический строй народной речи; стилистическое разнообразие (сочетание лексики книжной – официальной, политической и др. – и разговорной); высокая частотность глагольных лексем, адекватная специфике детского восприятия; окказиональное словообразование в различных лексических и грамматических группах слов (антропонимы; междометия; звукоподражания, характерные для детской речи). *Элокуция* представлена разнообразием тропов и фигур (эпитеты, сравнения, метафоры, лексические повторы, синтаксический параллелизм и др.); их дозированное использование (принцип доступности) способствовало, помимо идеологического, эстетическому воспитанию юного советского гражданина.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертационного исследования и полученные результаты обсуждались на заседаниях и научных семинарах кафедры русской филологии Социально-педагогического факультета СГУТиКД; на ряде Международных, Всероссийских, межвузовских научных, научно-практических конференций: «Проблемы, инновационные подходы и перспективы развития индустрии туризма» (Сочи, 2003, 2004); «Проектирование инновационных процессов в социокультурной и образовательной сферах» (Сочи, 2003–2005); «Дни науки Социально-педагогического института СГУТиКД» (Сочи, 2004, 2006, 2007); «Актуальные проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации» (Архангельск, 2005); «Язык, литература и межкультурная коммуникация» (Чебоксары, 2007); «X-е Виноградовские чтения. Текст и контекст: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты» (Москва, 2007); «Актуальные вопросы языковой динамики и межкультурной коммуникации» (Чебоксары, 2009); «Гуманитарные науки: исследование и методика преподавания в высшей школе» (Сочи, 2005–2007, 2010); «Когнитивная лингвистика и вопросы языкового сознания» (Краснодар, 2010); «Риторика как предмет и средство обучения» (Москва, 2011); отражены в статьях в межвузовских сборниках научных трудов.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и библиографии, включающей 165 наименований, а также списки литературно-критических источников и проанализированных текстов А. Гайдара.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В первой главе – «Теоретико-методологические основы лингвориторического исследования языковой и литературной личности продуцента советского художественно-идеологического дискурса» – рассмотрена лингвориторическая концепция литературной личности (ядро которой образует языковая личность) как способ расширения представлений об идиостиле продуцента художественного дискурса советской эпохи; охарактеризован художественно-идеологический дискурс (ХИД) как продукт речемыслительного процесса советской языковой и литературной личности; проанализирован в терминах лингвориторической парадигмы филологический дискурс-интерпретанта гайдароведов советского и постсоветского периодов.

Изучение «языка писателя» входит в сферу интересов как лингвистики, так и литературоведения, однако рассмотрение данного феномена с тех или иных по-

зийций существенно ограничивает исследовательские возможности. В ситуации «филологической раздробленности» лингвориторический подход выполняет интегративную функцию в научном осмыслении языковой личности – продуцента дискурса в сфере литературно-художественной коммуникации. Структура *литературной личности*, помимо инвариантного ядра *языковой личности*, включает ряд компонентов: профессиональную лингвориторическую компетенцию, реализующую тот или иной тип идеоречецикла; «риторский статус» гражданской ответственности, «литературно-художественный статус» мастера слова. Литературная личность представляет собой многомерный синтез индивидуализированной структуры языковой личности того или иного писателя, присущий (врожденный) каждому способ творческой мыслеречевой деятельности, личный «удельный вес» этосного, логосного, пафосного начал идеологии дискурсивного процесса [Ворожбитова 2000].

Ведущей объективацией литературной личности выступает категория идиостиля, которая в рамках антропоцентрического системно-деятельностного подхода к тексту получает новое теоретическое осмысление, фокусируя многоаспектные проявления языковой личности автора в структуре, семантике и прагматике текста. В формировании индивидуальных стилей участвуют разнообразные факторы, от глобальных, социально-исторических, до конкретно-биографических, психофизиологических. Если *идиолект* – языковые навыки данного индивидуума в определенный период времени, то *идиостиль* – вся система устанавливаемых творцом художественного текста отношений разнообразных способов репрезентации средствами идиолекта уровней структуры языковой личности, выражаемого этоса, логоса и пафоса, реализуемого типа идеоречевого цикла «от мысли к слову», которые определяют комплексную специфику языковых операций, текстовых действий, коммуникативной деятельности продуцента художественного дискурса. Термин «литературная личность» фиксирует индивидуально-авторское восприятие действительности и проявление языковой, текстовой и коммуникативной субкомпетенций носителя языка, а также актуализирует определенный исторический социокультурный срез, концентрируя в литературно-художественной форме представления коллективной языковой личности этноса (русский народ), совокупной языковой личности этносоциума (советский народ).

Понятие *советская языковая личность* фиксирует представителя совокупной языковой личности этносоциума периода советской власти в России. В политико-экономических и социокультурных условиях тоталитарного государства, сфера литературно-художественного творчества строжайшим образом подчиняется государству в качестве средства мощного духовного воздействия на массы. В ситуации жесткой регламентированности речемыслительного процесса, языковой диглоссии объективно формируется *советская литературная личность* – особый тип писателя, востребованный правящей партией, который с большей или меньшей степенью художественного таланта, убежденности и искренности выступает в роли проводника официальной идеологии средствами художественных образов. Идиостиль такой литературной личности формируется в рамках советского дискурса, в основе которого лежит особый идеологизи-

рованный язык – «версия-манипулятор» [Гусейнов 2003: 17] естественного языка, в котором «слова-фикции» доминируют над «словами-предметами» [Гиренок 2009]; при этом, в зависимости от уровня дарования, сглаживается диссонанс между официальной и народной («естественной») разновидностями языка советской эпохи и становится эмоционально привлекательными и воздействующими на языковое сознание коллективного реципиента идеалы и ценности идеологии большевизма.

Термин *художественно-идеологический дискурс* (ХИД) обозначает литературно-художественный текстовой массив, созданный творческой в условиях политической диктатуры языковой личностью писателя, которая в той или иной степени вписывает свой творческий речемыслительный процесс в рамки существующей идеологической парадигмы. В ситуации ограничения свободы речемыслительной деятельности в государстве большевиков сформировался в качестве официально разрешенной разновидности *советский ХИД*; в рамках родового понятия ХИД ему типологически противопоставлен *антисоветский ХИД*, включая так называемую «возвращенную литературу». Характерными чертами советского ХИД явились: изначальная противоречивость в рамках дихотомии «воспроизведение стихии, органики народной жизни» и «трансляция общих целей общественного развития в частные жизненные цели каждого конкретного человека»; реализация требований искренности и непосредственности в творчестве на фоне жестких семиотических связей (схематичность, каноничность, формульность); приоритет будущего перед настоящим при уничтожении дореволюционного прошлого; акцентированная социально-педагогическая направленность – воспитать гражданина советской страны в соответствии с идеалами коммунизма.

С учетом идеологической доминанты целесообразно различать язык советского ХИД: 1) периода становления государственной идеологии (1917–1921); 2) эпохи социалистического строительства (1921–1929); 3) этапа утверждения социалистических ценностей (1930–1941). В результате исследования выявлен *лингвисторический канон советского ХИД*, распространявшийся на официально признанную литературу 20-х – начала 40-х гг., подчиняющийся идеологической доктрине художественный речемыслительный процесс литературной личности. *Этос* базируется на классовых ценностях, опровергающих традиционные морально-нравственные нормы религиозного или гуманистического воспитания. «Соблазн большевизма» <...> расшатывал нравственные устои общества, что немедленно сказывалось на литературе. «Мораль? У меня нет времени, чтобы задуматься над этим словом. Я строю социализм», – рассуждал герой романа В. Каверина «Художник неизвестен» (1931), прагматизм которого оказался превыше этических ценностей [История русской литературы XX века 2004: 216]. *Логос* соцреализма представляет собой систему идеологем, в основе которых лежит упрощение реальности. *Пафос* советского ХИД – в мобилизации масс на борьбу с идеологическим врагом, преодолении трудностей индустриализации и коллективизации, атмосфере предвкушения «счастливой жизни». *Ассоциативно-вербальная сеть* продуцентов советского ХИД характеризуется нейтрализацией территориальной и социальной языковой специфики и вынесением на первый план лексем. семан-

тически связанных с советской эпохой и ее идеологией. *Тезаурус* языковой и литературной личности включает ключевые концепты: свой/чужой, война, труд, партия, коммунизм и др. – как главные мировоззренческие ориентиры советского времени. *Прагматикон* отличает стремление создать общность советских людей, воспитанных в духе социалистических идеалов, путем идеологически выверенных текстов, понятных миллионам простых граждан. В области *инвенции* ведущая тематическая установка – освещение широкомасштабных революционных преобразований действительности сквозь призму образа положительного героя. *Диспозицию* характеризует стандартизованный последовательный сюжет: «положительный герой – выходец «из народной среды», <...> постепенно формировался и «созревал» под воздействием партии, ее вождей и становился «сознательным борцом»; вел своих соратников и «перевоспитанных им друзей и товарищей» или к дальнейшим победам над «идейными врагами», или к строительству социализма непременно под руководством ВКП(б)» [Хоскинг 1995: 228–229]. Композиционная синтагматика раскрывает путь революционера: изобличение шпиона, противника революции, и процесс становления «развивающегося» героя, уверовавшего в социалистические идеалы. *Элокуция* столкновений классовых врагов характеризуется наличием устойчивых образовательно-выразительных средств: антитезы, простых предложений, постоянных эпитетов к идеологически значимым номинациям.

Художественные тексты советской эпохи – инструмент формирования «нового человека»; особое значение придавалось воспитанию юного советского гражданина (расцвет советской детской литературы 20–40-х гг. XX в. определили В. Маяковский, С. Маршак, К. Чуковский, С. Михалков, А. Гайдар, Л. Кассиль, В. Каверин, А. Толстой, Ю. Олеша и др.). В рамках советского ХИД наряду с литературными текстами для взрослого реципиента, вошедшими в круг детского чтения, появился дискурсивный пласт, специально созданный для читателя-ребенка. С учетом специфики психологии адресата и его лингвистической компетенции правомерно разграничить *два направления советского ХИД, ориентированного: 1) на взрослого реципиента* (А.А. Фадеев «Разгром», «Молодая гвардия», М.А. Шолохов «Поднятая целина», Н.А. Островский «Как закалялась сталь», поэзия А. Твардовского, М. Исаковского и др.); 2) *на юного читателя* (П.А. Бляхин «Красные дьяволята», В.А. Катаев «Белеет парус одинокий», В.А. Каверин «Два капитана», Г. Белых, Л. Пантелеев «Республика ШКИД», Л.А. Кассиль «Конduit и Швамбрания», произведения А. Гайдара, поэзия К.И. Чуковского, С.Я. Маршака, С.В. Михалкова, А.Л. Барто и др.). «Говорить о самостоятельности детской литературы стало возможным после того, как писателями были найдены специальные языковые средства, учитывающие возрастные особенности восприятия, мышления и речи ребенка» [Гаранина 1998: 3]. Однако тиражирование лингвориторического канона советского ХИД безотносительно к возрастным психологическим и интерпретативным возможностям адресата привело к созданию официальной массовой детской литературы, где «серьезные вопросы ставятся несерьезно, нет настоящих конфликтов, все лишено резкости, все плавно и искусственно, как в подводном царстве оперы «Садко» [Нагибин 2005]. Для формирования будущей коллективной языко-

вой личности советского этносоциума необходимы были тексты, транспонировавшие постулаты марксизма-ленинизма в художественные образы и преодолевшие схематизм советского ХИД как его изначальный сущностный признак. В то же время наличие особого «лингвориторического канона» советского ХИД для взрослой аудитории создавало благоприятную среду становления и развития и советского ХИД для детей. Характерными чертами *советского ХИД* 20-х – начала 40-х гг., предназначенного для *юного реципиента*, являются наличие динамичного, интригующего сюжета в сочетании с идейно-тематической регламентированностью; выбор лингвистических и риторических средств, адекватных восприятию реципиента; смысловая многослойность, позволяющая иногда обходить цензуру и переводящая многие тексты советского ХИД в разряд ценностей классического наследия. А. Гайдар, формируя советскую языковую картину мира в пластичном детском сознании, соответствовал канону советского ХИД и в то же время противостоял ему, вырезая на «*tabula rasa*» уровней языковой личности ребенка скрижали советской идеологии в ее романтизированно-сказочном ореоле.

«Искажения социальной реальности» [Чуешов 2004] заложены в самой идеологии, в действительности являющейся «упрощенной» доктриной или глобальной картиной мира. Характерным свойством ХИД является множественность филологических интерпретаций, обусловленная не просто объективной возможностью «вариативной интерпретации действительности» [Баранов 2001], а кардинальной сменой идеологического вектора, повлекшей за собой резкое изменение трактовок идиодискурса А. Гайдара и оценки его литературной личности. *Полярную интерпретационную вариативность* следует квалифицировать в качестве категориального свойства, типологической черты ХИД. Филологический дискурс-интерпретанта ХИД А. Гайдара, прежде всего, литературоведческий и литературно-критический, предстает в смысловой динамике процессов *мифологизации, демифологизации*, основанной на деконструкции мифа, и частичного *рекультивирования литературной личности* Гайдара в сознании коллективной языковой личности реципиента. В постсоветский период возникают разнонаправленные тенденции интерпретации (разрушительная, потребительская, романтично-утопическая, когнитивная, абстрактно-аксиологическая, инструментально-прагматическая [Арапова 2007]), которые находят отражение и в филологическом дискурсе об А. Гайдаре. В связи с этим советский ХИД рассматривается нами с опорой на теорию мифа, имеющую глубокое лингвистическое обоснование [Барт 2008; Леви-Стросс 2001; Потебня 1989 и др.].

Лингвориторическое своеобразие филологического дискурса-интерпретанта ХИД А. Гайдара советского и постсоветского периодов, обусловленное доминирующим социально-политическим фоном, отражено в идеологических аспектах речемыслительного процесса, на уровнях структуры языковой личности продуцента, в специфике этапов универсального идеоречевого цикла «от мысли к слову». Так, *этот дискурс-интерпретанты гайдароведов советского периода* отличался корректностью вследствие признания соответствия большей части нравственно-этических доминант в идиодискурсе А. Гай-

дара общепринятым этносоциумным представлениям. *Логос* базируется на идеологемах, среди которых наиболее востребованной общественным сознанием явилась идеологема «тимуровское движение», сопровождающаяся исключительно положительными коннотациями. *Пафос* филологических текстов советского периода содержит позитивную экспрессивность, переходящую в эпидейктическую восторженность. *Тезаурус* концентрируется вокруг концепта «герой». *Прагматика* дискурса-интерпретанты, связанная с сознательной установкой актуализировать педагогическую значимость идиодискурса А. Гайдара, направлена на создание мифа о Гайдаре. *Ассоциативно-вербальная сеть* интерпретаций, поддерживающих советский миф, строится на использовании для характеристики А. Гайдара таких лексических единиц и их сочетаний, как «всадник, скачущий впереди», «герой, обретший бессмертие», «впередсмотрящий», «отдавший жизнь за други своя». *Инвенция* включает пять звеньев: 1) личность А. Гайдара – уникальный пример патриотизма, стойкости, организаторских способностей; 2) творчество А. Гайдара – отражение эпохи, вследствие последовательного воплощения тем гражданской войны, борьбы с врагами родной страны, коммунистического воспитания и формирования советского человека; 3) книги А. Гайдара – достоверный источник информации о писателе; 4) А. Гайдар – мудрый и добрый наставник детей; 5) жизнь, смерть, псевдоним – свидетельства мужества писателя-бойца. *Диспозиция* зачастую предполагает хронологическое представление биографических фактов героического характера. *Элокуция* дискурса-интерпретанты советского периода основана на перечислении эпитетов, характеризующих значимые свойства личности и идности А. Гайдара, что помогает реципиенту воссоздать его героический образ, сконцентрироваться на важнейших компонентах советского мифа об А. Гайдаре.

Филологический *дискурс-интерпретанта* гайдароведов *постсоветского периода* характеризуется двумя альтернативными лингвориторическими стратегиями, обусловленными, с одной стороны, процессом демифологизации, с другой, – последующими попытками реконструкции исходного мифа, а также аспектом рекультивирования личности А. Гайдара (принцип маятника). *Этос* филологических интерпретаций варьируется от резкого осуждения морального облика А. Гайдара (не всегда в корректной форме) до его восхваления. *Логос*, во многом связанный с идеологемой «тимуровское движение», раскрывает ее, с одной стороны, как явление морально устаревшее и свидетельствующее о недостатках социальных институтов советского общества, а с другой – как полезное и способствующее воспитанию лучших человеческих качеств. *Пафос* филологических текстов постсоветского периода содержит как негативную, так и позитивную экспрессивность. *Тезаурус* концентрируется вокруг концепт-оппозиции «герой» / «антигерой» («човек»), а также ряда оппозиций «правда» / «ложь», «идеальное» / «реальное», «настоящее» / «прошлое» / «будущее» / «вечное» в зависимости от избранного интерпретационного вектора. *Прагматика* постсоветских интерпретационных текстов сочетает разнонаправленные устремления: разоблачить советскую пропаганду, приукрасившую в процессе мифотворчества жизнь и смерть А. Гайдара и искажившую значение псевдонима (демифологизация) / реконструировать миф об А. Гайдаре (вторичная мифоло-

гизация). *Ассоциативно-вербальная сеть* интерпретаций постсоветского периода предполагает применение, с одной стороны, лексических единиц «убийца», «негодяй», «чоновец», а с другой, «комиссар отряда», «комиссар детской литературы».

Инвенция постсоветского дискурса-интерпретанты включает широкий круг интерпретаций ХИД: способствующие развенчанию советского мифа о Гайдаре под влиянием писем, дневников, архивных данных; укрепляющие советский миф о Гайдаре («Гайдар – герой»); направленные на выявление способов сакрализации и десакрализации биографии Гайдара («Гайдар – герой / Гайдар – преступник»); избегающие крайних оценок (акцент «Гайдар – человек»; акцент «Гайдар – винтик советской системы»; акцент «Гайдар – писатель, жизнь и творчество которого требует непредвзятого осмысления»); подчеркивающие типичность текстов Гайдара для советской детской литературы; отмечающие особенности гайдаровского идиостиля; указывающие на радиус воздействия текстов А. Гайдара; включающие тексты А. Гайдара в литературный контекст; констатирующие отсутствие у молодого поколения представления о Гайдаре вследствие факультативности его произведений в школьной программе; убеждающие в актуальности содержательной основы текстов А. Гайдара. *Диспозиция* постсоветских интерпретаций сопряжена со ссылками, содержащими определенные данные: объективные личные свидетельства литературной личности (дневниковые материалы А. Гайдара); субъективные свидетельства близкого окружения литературной личности (мемуарные материалы); субъективные свидетельства очевидцев деятельности литературной личности в условиях отсутствия объективных данных; авторитетное мнение о литературной личности и созданных ею текстах. Диспозитивная организация дискурса-интерпретанты последних десятилетий нацелена и на заполнение лакун в сознании современного реципиента относительно содержания текстов А. Гайдара посредством краткого пересказа, чередующегося с выдержками-цитатами, в сочетании с комментариями автора дискурса-интерпретанты. *Элокуция* характеризуется наличием антитезы, способствующей героизации А. Гайдара путем демонстрации ряда противоречий (возраст / род деятельности; человек-гуманист / проводник идеи; интерес к литературной личности / отсутствие объективных исследований; отрицательная / положительная оценка результата деятельности литературной личности), перифраз, эпитетов-клише, повторов синтаксических структур, отдельных лексем и их сочетаний, окказиональной («чоновец», «восемнадцатилетний расстреливатель») и стилистически сниженной лексики разговорного стиля.

Во второй главе – «Лингвориторический инструментарий А. Гайдара в аспекте своеобразия идиостиля советской языковой и литературной личности» – охарактеризована специфика репрезентации в исследуемом идиодискурсе трех групп лингвориторических параметров идиостиля: этосно-мотивационно-диспозитивных (нравственно-философские позиции, прагматические установки, композиционное выдвигание); логосно-тезаурусно-инвентивных (базовые идеологемы, особенности лексической репрезентации тезауруса А. Гайдара и инвентивной сетки его произведений); пафосно-

вербально-элокутивных (эмоциональная доминанта, лексико-грамматические характеристики, способы создания языковой экспрессии).

Этно-мотивационно-диспозитивные параметры идиостиля организуют речемыслительный процесс литературной личности на уровне нравственно-философских принципов творчества и поставленных прагматических задач. В результате анализа текстов А. Гайдара установлено, что наиболее ценными качествами, характеризующими *этос* как идеологическую составляющую идиостиля писателя, являются: личная честь (включающая такие понятия, как смелость, справедливость, честность) и эмоциональная чуткость (имеющая конкретные очертания: жалость, отзывчивость, сострадание и т.д.). Об «анти-этосе» речь идет в том случае, когда социальное поведение человека определяют такие качества, как страх, трусость, слабость, хвастливость, жадность, отчаяние, неверие в собственные силы, злость. Однако А. Гайдар позволяет своим героям бояться, сомневаться, испытывать другие не самые лучшие качества, что помогает образам персонажей избежать ходульности, а автору – морализаторства. Герой А. Гайдара, по собственному определению писателя из рассказа «Дальние страны», «такой же мальчуган, как и многие другие, немножко храбрый, немножко робкий, иногда искренний, иногда скрытный и хитроватый». В рассказе «Р.В.С.» Димка обманывает мать, младшего брата Топа, отца Перламутрия; Жиган – бабушку Онуфриху; в повести «Тимур и его команда» Тимур нарушает запрет дяди и берет его мотоцикл. Тем не менее, за неблагоприятностью внешней стороны этих поступков скрывается или детская непосредственность, или благородная цель, которой нет у Квакина и его банды, разоряющей сады для собственного удовольствия. Понятие чести является для этоса А. Гайдара первостепенным, оно выше честности, так как требует от героев принятия самостоятельных ответственных решений, а не буквального следования предписаниям взрослых. Например: «– Ты зачем койбасу стащил? / – Это не стащил, Топ. Это надо, – поспешно ответил Димка. – Воробушков кормить. Ты любишь, Топ, воробушков? Чирик-чирик!.. Ты не говори только. Не скажешь? Я тебе гвоздь завтра дам хоро-оший!» («Р.В.С.»). «Спрашивать позволения было не у кого. Дядя ночевал в Москве. Тимур зажег фонарь, взял топор, крикнул собаку Риту и вышел в сад. Он остановился перед закрытой дверью сарая. Он перевел взгляд с топора на замок. Да! Он знал – так делать было нельзя, но другого выхода не было. Сильным ударом он сишб замок и вывел мотоцикл из сарая. / – Рита! – горько сказал он, становясь на колени и целуя собаку в морду. – Ты не сердись! Я не мог поступить иначе» («Тимур и его команда»).

Мотивационные установки – одна из наиболее сложных сфер для исследования реализации коммуникативных стратегий автора в дискурсе, так как ее объект лежит за пределами языка. О прагматических приоритетах языковой личности можно судить на основании имеющихся фоновых знаний, сведений о говорящем, аксиологических установок, которые он стремится передать. Пустковым механизмом писательской деятельности и создания художественно-идеологического идиодискурса послужила личная драма А. Гайдара – вынужденная отставка красного командира. Обращенный к детям, ХИД А. Гайдара выполнял прежде всего социально-педагогическую функцию, воспевая совет-

скую действительность и культивируя социалистические идеалы в детском сознании. В «Командире отдельного полка» А. Гайдар писал: «Лучший мой читатель – десяти-пятнадцати лет. Этого читателя я люблю, и мне кажется, что я понимаю его, потому что сравнительно не так давно таким же подростком был я сам» [Цит. по: Рыбаков 1984: 7]. В «Автобиографии» находим уточнение: «Вероятно, потому, что в армии я был еще мальчишкой, мне захотелось рассказать новым мальчишкам и девчонкам, какая она была, жизнь, как оно все начиналось да как продолжалось, потому что повидать я успел все же не мало» [Гайдар 1974: 9].

Основное назначение *диспозиции* – членение тематического материала, полученного в результате инвенции, и определение порядка следования частей. Гайдаровское повествование строится на чередовании двух линий – частной, представляющей собой дедуктивное повествование, выстраивающее путь к разгадке интриги – неотъемлемой составляющей идиостиля писателя, и обобщающе-исторической с использованием индуктивного способа изложения (от описания конкретного героя к жителям всей страны).

Ключевыми позициями структурной организации произведения являются заголовок, начало и конец текста. В процессе работы А. Гайдар неоднократно менял названия своих произведений. Первоначально повесть «Школа» называлась «Обыкновенная биография», «Тимур и его команда» – «Дункан и его команда», рассказ «Голубая чашка» – «Хорошая жизнь», повесть «Военная тайна» – «Такой человек», «Мальчиш-Кибальчиш», «Верный вариант». О последней названной нами повести А. Гайдар писал: «Сегодня я неожиданно, но совершенно ясно понял, что повесть моя должна называться не «Мальчиш-Кибальчиш», а «Военная тайна». Мальчиш остается мальчишем – но упор надо делать не на него, а на «Военную тайну» – которая вовсе не тайна» [Цит. по: Мотышов 2004: 60]. Первые фразы задают «стилистический ключ текста, интригуют, заявляют тему, вводят слушателей в проблематику» [Хаззагеров, Лобанов 2004: 194–195]: *(«Вот уже три месяца, как командир бронедивизиона полковник Александров не был дома. Вероятно, он был на фронте» («Тимур и его команда»); «Раньше сюда иногда забегали ребятишки затем, чтобы побегать и полазить между осевшими и полуразрушенными сараями. Здесь было хорошо» («РВС»))*. В произведениях А. Гайдара начало обычно разбито на множество коротких абзацев, состоящих из простых неосложненных предложений в сочетании со сложносочиненными и сложноподчиненными с придаточными определительными, времени, цели, т.е. те, которые чаще всего встречаются в речи. Анализ синтаксических конструкций в начале текста убеждает в том, что автор пишет «с классической простотой и ясностью» [Кутняхова 2004: 42]. Этому способствует применяемый А. Гайдаром во многих произведениях фольклорный зачин, заключающий в себе сказовое начало: *«Жил на селе одинокий старик. Был он слаб, плел корзины, подшивал валенки, сторожил от мальчишек колхозный сад и тем зарабатывал свой хлеб» («Горячий камень»); «Жил человек в лесу возле Синих гор» («Чук и Гек»)*.

Наиболее сильно авторский голос звучит в финале, где раскрывается итоговая мысль А. Гайдара, его нравственно-этические принципы, идейно-философские сентенции *(«А жизнь, товарищи... была совсем хорошая!» («Голубая*

чашка»); «– Я стою... я смотрю. Всем хорошо! Все спокойны. Значит, и я спокоен тоже!» («Тимур и его команда»).

Пейзажные, песенные, сказочные и другие включения являются специфичными и индивидуализируют стиль писателя.

Логосно-тезаурисно-инвентивные параметры идиостиля сосредоточены на мыслительном основании, включающем идеологические стереотипы, ключевые концепты, мировоззренческие установки языковой личности, находящие выражение в определении темы речи. *Логос* как словесно-мыслительное начало речи направлен на репрезентацию важной для автора мысли посредством идеологем – «вербально закрепленных идеологических предписаний» (Н.А. Купина), адресованных советским детям: «Светлое будущее», «Советское – значит лучшее», «Красная Армия всех сильней», «Счастливое детство», «Пионер – всем ребятам пример», «Нет победы без потерь».

На лингвокогнитивном уровне литературной личности А. Гайдара содержится ряд оппозиций концептов: «Жизнь / Смерть», «Добро / Зло», «Свой / Чужой», «Коллективизм / Индивидуализм», анализ которых демонстрирует специфику гайдаровского идиостиля, построенного на антиномиях: «красные / белые», «разрушение / созидание», «закабаление / освобождение» и т.д.

Оппозиция «Жизнь / Смерть» является одной из наиболее значимых в идиостиле А. Гайдара и строится в соответствии с советским ХИД. В произведениях ядро концепта «Жизнь» репрезентировано лексемой «жизнь» в следующих значениях: 2. Физиологическое существование человека, животного, всего живого. 3. Время такого существования от его возникновения до конца, а также в какой-н. его период. 6. Оживление, проявление деятельности, энергии [Ожегов, Шведова 1993: 197]. В рамках субъектно-объектных отношений доминирует местоименная номинация: личные и притяжательные местоимения 1 л.: «Жизнь у меня за все последние двадцать годов на три равные части разделена была»; «Жизнь наша ко-ней-ка-а-а-а!» («Школа»); «Ну, то да се, и начал про мою жизнь расспрашивать» («На графских развалинах»); «Наступило солнечное утро. То самое, с которого жизнь моя круто повернула в сторону» («Судьба барабанщика»); возвратно-притяжательное местоимение свой: «– Про жизнь свою говорит мне нечего» («Школа»); «...доверчиво рассказывали старику про свою жизнь и про сердитую бабу» («Дальние страны»); «Все рассказал я ему про свою жизнь, по порядку, ничего не утаивая» («Судьба барабанщика»); определительные местоимения вся, сама, иная: «Жизнь сама какой была, такой и останется»; «А ты, брат, думал, что у тебя дядя всю жизнь только саблей махал да звенел шпорами»; «Он, который всю жизнь терпел такое, что иному не перетерпеть и за три жизни!» («Судьба барабанщика»); «И на что мне иная жизнь?» («Горячий камень»). В позиции предиката находится глагольная лексема «жить», а также фазовые глаголы, актуализирующие представление о начале, продолжении, конце жизни: «В эту ночь взволнованные ребятки долго не могли уснуть, довольные тем, что разбезд начинает жить новой жизнью, не похожей на прежнюю» («Дальние страны»); «И это меня тогда удивило, потому что я был не слепой и никогда не думал, что жизнь уже прошла» («Судьба барабанщика»); «Кто снесет этот камень на гору / и там разобьет его на части, тот вернет свою молодость и начнет жить сначала» («Горячий

камень»); «...я жизнь круто прожил, и пожить за меня спокойно, видно, тебе, Мальчиш, придется» («Военная тайна»).

Показательно, что «хорошая жизнь» не приходит сама, ее необходимо «строить», «создавать». Убеждение, что «прежняя жизнь – это не жизнь» («Дальние страны»), заставляет героев «искать» жизнь новую, лучшую: «Я вот думаю, что и народ весь эдак: и русские, и евреи, и грузины, и татары терпели старую жизнь, терпели, а потом, как вода из котелка, вспенились и кинулись в огонь. Я вот тоже... сидел, сидел, не вытерпел, захватил винтовку и пошел хорошую жизнь искать!» («Школа»). «Что такое счастье – это каждый понимал по-своему. Но все вместе люди знали и понимали, что надо честно жить, много трудиться и крепко любить и беречь эту огромную счастливую землю, которая зовется Советской Страной» («Чук и Гек»). Глаголы-предикаты «трудиться», «любить», «беречь», находящиеся в однородном ряду с глаголом *жить*, подчеркивают активность субъекта. Анализируя примеры реализации концепта «Жизнь» посредством атрибутивных наименований, можно выделить лексемы и их сочетания, характеризующие представления героев об идеальной жизни: «спокойно» («Военная тайна»), «честно» («Чук и Гек»), «весело» («Бумбараш»), «без серых мышей» («Голубая чашка»), «без кулаков», «всей семьей вместе» («Дальние страны»). Доминанту жизненного существования героев составляют эпитеты и метафоры – носители контрарных коннотативных элементов лексического значения: *жизнь старая, прошлая, прежняя, плохая, беспокойная, тяжелая, беспощадная / жизнь новая, хорошая, светлая, веселая, крепкая, настоящая*. В поисках хорошей жизни герои А. Гайдара с винтовкой в руках сражаются с теми, кто препятствует тому, чтобы эта счастливая свободная жизнь наступила. Убежденность в том, что «хорошая, очень интересная будет жизнь» («Школа»), что «...жизнь будет хорошая» («Дальние страны»), а главное – не похожая на прежнюю, побуждает героев пренебрегать не только трудностями настоящего времени, но и самой жизнью: «Пусть хоть не при нас, а после нас наша страна будет такой вот, как она сейчас, – могучей и великой» («Горячий камень»); «Мне жизни не жалко, потому что скоро все равно уже всем нам приблизится смерть и погибель» («Бумбараш»).

Ядром концепта «Смерть», противопоставленному концепту «Жизнь», является значение одноименной лексемы: 1. Прекращение жизнедеятельности организма [Ожегов, Шведова 1993: 760]. Периферия концепта представлена многообразием репрезентации окказиональных смыслов. И взрослые, и дети мечтают всю свою жизнь посвятить борьбе с врагами («Собрали бы отряд, и всю жизнь, до самой смерти, нападали бы мы на белых и не изменили, не сдались бы никогда» («Военная тайна»)) и потому готовы быть беспощадными как к другим, так и к себе: «– Петька, – сказал он, впервые охваченный странным и непонятным волнением, – правда, Петька, если бы и нас с тобой тоже убили, или как Егора, или на войне, то пускай?.. Нам не жалко! / – Не жалко! – как эхо, повторил Петька, угадывая Васькины мысли и настроение. («Дальние страны»)). Концепт «Смерть» реализуется посредством лексем, передающих субъектно-объектные отношения («я» – «мы», «красные» – «белые»), предикативные («убить», «убивать», «расстрелять», «умереть», «умирать», «помирать»), атрибутивные («страшно», «обидно»): «...к чувству страха примешалась и даже подавила его на короткое время злая обида – вот... утро такое... все живут... а ты помирай!» («Школа»).

А. Гайдар убежден, что тяжелая жизнь, посвященная отстаиванию идеи, может быть счастливой. Понимание того, что «жизнь беспощадна» («Судьба барабанщика»), нисколько не противоречит стремлению героев прожить ее достойно, «так, как надо» («Горячий камень»). «И на что мне иная жизнь? Другая молодость? Когда и моя прошла трудно, но ясно и честно!» – говорит Ивашке старик в сказке «Горячий камень». Его отказ вернуть себе молодость, чтобы увидеть «хорошую жизнь», переключается с твердым желанием юного Сережи Щербачева «жизнь начинать заново и быть теперь человеком прямым, смелым и честным» («Судьба барабанщика»). Гайдаровские герои испытывают ощущение того, что жизнь представляет собой череду наслаивающихся друг на друга событий: «А везде беспокойно бурлила жизнь» («Р.В.С.»); «Чувствовалось, что вот она, жизнь, разворачивается и раскидывается всеми своими дорогами» («Военная тайна»). Они уверены, что «жизнь пошумит, пошумит, а правда останется» («Школа»), хотя «...так просто, без тяжелых, настойчивых усилий, без упорной, непримиримой борьбы, в которой могут быть и отдельные поражения и жертвы, новую жизнь не создашь и не построишь» («Дальние страны»),

Инвенцию составляет круг тем, которые вышли на первый план в идиостиле А. Гайдара: гражданская война; социалистическое строительство; детство; семья. В традиционный спектр тем детской литературы 20-х – начала 40-х гг. А. Гайдар привнес новые мотивы: война – жалость; социалистическое строительство – факторы, препятствующие развитию молодого советского государства: страх новизны, память о прошлом, бюрократизм, формальное отношение к делу, «происки врагов социализма»; детство – психологический груз, сопровождающий процесс взросления; семья – новое прочтение проблемы отцов и детей, отец как нравственная опора ребенка, а дом – надежная защита. Одной из характерных особенностей инвенции произведений А. Гайдара является многоуровневость, или многослойность, их содержания, актуализирующая у подготовленного реципиента те или иные смыслы: сталинские репрессии («Судьба барабанщика»; «Чук и Гек»); разлад в семье («Голубая чашка»). Многослойность ХИД А. Гайдара способствует «универсальности» его произведений в плане отсутствия жесткой возрастной и временной закреплённости адресата. Если внешний инвентивный план рассказов и повестей интересен изначально прогнозируемому реципиенту – советскому ребенку, то внутренний, представленный в подтексте, раскрывается подготовленному читателю. Данное свойство, определяемое К.И. Чуковским как обязательное для настоящей детской книги, лежит в основе советского ХИД А. Гайдара и помогает ему оставаться востребованным широкой аудиторией в новой идеологической парадигме и иных социально-политических условиях.

Пафосно-вербально-элокутивные параметры идиостиля содержат эмоциональные проявления, представленные на собственно языковом уровне, а также с помощью тропов и фигур. Для идиостиля А. Гайдара характерно соединение героико-романтического и трагического пафоса, заставляющее юного читателя задуматься о противоречивости описываемого исторического периода. Несмотря на сложность взаимодействия романтического пафоса с реалистичным изображением действительности, А. Гайдар находит способы его выражения: в авторских отступлениях, размышлениях героев, пейзажных зарисовках и т.д. Недосказан-

ность также способствует интенсификации воздействия на эмоциональную сферу читателя.

На *вербально-семантическом уровне* данной литературной личности лексико-семантическая группа «война» выступает ведущей. В текстах А. Гайдара неизменно происходит сравнение недавнего военного прошлого и безоблачного мирного настоящего. Лексикон писателя характеризуется высокой частотностью глаголов, в том числе глаголов движения и их производных, благодаря чему обеспечивается динамичность повествования. Большое место занимают в идиостиле А. Гайдара лексемы, обозначающие реалии нового времени (*продотряд, губпродком, Первое мая, сельсовет, кооператив, РСФСР, серп и молот, пионер-работа, совпартшкола и др.*) в сопоставлении со старым (*благодаяния, батюшка, дякон, церковь, колокол, набат, престольный праздник, Спас, крест, крестная, перекрестившись, молиться, божиться, лампадка, икона, подрясник и др.*), свет и цвет (*огни, вспышки, искры, зарево, солнце, фейерверки, прожектор, фонари, фары; лексемы «сверкать», «сверкающий»*), окказиональные антропонимы (*Чук, Гек, Топ, Головень, Козолуп, Жиган, Фигура, Дергач, Хряц, Бумбараш, Мальчиш-Кибальчиш, Мальчиш-Плохиш и др.*), междометия (*ах, эх, ого, ой, ура, ух, эге, эй*), звукоподражания (*бум, бац, хлоп, тарарах, трах-бабах, трум-тара-рам и др.*), детскую речь (*жужукает, бубухает, выгнанные, нашигивает*). Окказиональные единицы в текстах А. Гайдара не только демонстрируют возможности детского словотворчества (*лепо, придружить и др.*), экспрессии разговорной речи (*заканителились, атаманствовать, голоштаный, зажулить и др.*), героико-романтического пафоса (*победно-торжествующий крик, красноезвездный всадник, быстролетный степной орел, удивленно-любопытные глаза, серьезно-оружеским взглядом, гнуснопрославленному помощнику, гнусноподобной личности и др.*), но и являются проявлением революционного сознания, требующего новых форм выражения (*мальчиш, буржуины, буржуинство, Буржуин, Кибальчиш, Плохиш и др.*). Обилие в текстах А. Гайдара языковых средств разговорного стиля, включая синтаксис народной речи, устойчивых оборотов, относящихся к народной поэтике, в сочетании со стилистическими элементами нового времени отражает феномен двуязычия, характерного для советской эпохи.

Элокуция как итог художественного дискурсивного процесса А. Гайдара представлена разнообразными образительно-выразительными средствами. Как показали результаты анализа, в целом идиостиль А. Гайдара соответствует основным законам литературного творчества для самых маленьких – «заповедям» К.И. Чуковского, среди которых выделены графичность, динамика, лиричность словесной живописи, подвижность и изменчивость ритма, повышенная музыкальность поэтической речи, завершенность фразы, дозированное использование прилагательных, простота ритмического рисунка, игровая направленность, универсальность, эстетическая устремленность и др. [Чуковский 1963]. В силу большого таланта детского писателя Гайдар объективно реализует их в своем творчестве, однако иная возрастная группа реципиентов диктует свои требования к детской книге. С учетом «фактора адресата» (Н.Д. Арутюнова), на основе интуитивно схваченного образа последнего Гайдар в рассказах и повестях выстраивает собственную продуктивную языковую модель советского

ХИД для детей и юношества. Так, графичность гайдаровского текста проявляется в создании ярких положительных и отрицательных образов. Уровень сложности изобразительно-выразительных средств, рассчитанный на психологию и языковую компетенцию ребят младшего и среднего школьного возраста, допускает активное использование метафор и сравнений: *«И с этого вечера между Яшкой и Дергачом протянулась нить необъяснимо крепкой дружбы»* («На графских развалинах»); *«Было уже очень поздно, когда далекий, но сильный гул ворвался в открытое настежь окно, как будто бы ударили в море залпом могучие, тяжелые батареи»* («Военная тайна»). Лиричность идиостиля А. Гайдара ярко проявляется в описаниях, в которых автор не просто создает яркий романтический образ, но и наделяет его с помощью олицетворений, сравнений, эпитетов и других выразительных средств запоминающимися чертами: *«Красная макушка черной шебаливской папачи ярко цвела среди холодного снежного поля»* («Школа»). Обилие нераспространенных основ, наличие сложных предложений с придаточным следствия, а также простых предложений, осложненных деепричастным оборотом, направлено на создание динамики. Ритм гайдаровской прозы разнообразен, а его смена происходит подчас в пределах одной фразы, обеспечивая разнообразие интонационного рисунка. Отсутствие скопления согласных звуков во фразе делает ее музыкальной и чрезвычайно удобной для чтения. В поэтических и песенных вкраплениях, являющихся важными текстовыми компонентами, наблюдается контактность рифм, а в основном прозаическом тексте – параллелизм – близкое расположение сходных по структуре высказываний. Семантическое доминирование рифмованного слова, необходимое в детской поэзии, в прозаическом идиостиле А. Гайдара соотносится с лексическим повтором – приемом, ориентированным на акцентирование внимания не только на форме, но и на значении маркированного языкового знака. Завершенность фразы также является следствием внимательного отношения к психологическим особенностям детского восприятия. В идиостиле А. Гайдара, отличающемся повышенной глагольностью, где прилагательные зачастую выступают в роли эпитетов, демонстрирующих яркость образа (*драгоценный осколок, неуклюжая корзина, кривоногий дуб, солнечная дорога, неуклюжий сарай, молодцеватые подростки, серая дача, тревожный шепот, гневные голоса, огненные взрывы, странный и опасный дом, дикий путь*), в том числе и идеологического характера (*проклятое буржуинство, трусливые буржуины, твердое слово, незагаданный противник и т.д.*), требуемая ясность достигается благодаря использованию писателем языковых средств разговорного стиля: эллиптических высказываний, параллельных конструкций: *«"Хорошо жить, – думал на скаку храбрый всадник Петька. – И сейчас хорошо. А вырасту – будет еще лучше. Вырасту – сяду на настоящего коня, пусть мчит. Вырасту – сяду на аэроплан, пусть летит. Вырасту – стану к машине, пусть грохает <...>"* («Дальние страны»). Поэтизация игры в идиостиле А. Гайдара несколько не противоречит лингвориторике советского ХИД, поскольку в игре, путем подражания миру взрослых, формируется представление ребенка о советской действительности, обнаруживает себя зарождающаяся «идеологически верная» жизненная позиция. Игровая направленность идиостиля проявляется и в таких языковых средствах, как ирония

(«Ее спрашивают, кто такой Фридрих Энгельс. А она думала, думала, да и ляпнула: "Это, говорит, какой-то народный комиссар..." / – Забыла, – незлобиво созналась Верка. – Я его тогда с Луначарским спутала. / – Как же можно с Луначарским? – опешил Ефимка. – То Фридрих Энгельс, а то Луначарский. То в Германии, а то в России. То жив, а то умер» («Пусть светит»)), и юмор («И если кровавому поединку не суждено было совершиться, и если Яшка не пал на поле битвы от руки лучше вооруженного врага, то только потому, что этот последний вдруг дико вскрикнул и без оглядки бросился бежать» («На графских развалинах»); («Расскажи, Натка, интересное, – попросил обиженно октябренок Карасиков. – А то вчера Роза обещала рассказать интересное, а сама рассказала, как мыть руки да чистить зубы. Разве же это интересное?» («Военная тайна»)). Придумывая комичные ситуации, рассчитанные прежде всего на детское восприятие, А. Гайдар учитывал свойственную юным читателям конкретную образность мышления и ограниченность жизненного опыта. Откликнувшись на призыв С.Я. Маршака и К.И. Чуковского создавать детскую литературу, А. Гайдар стремился, с одной стороны, к приспособлению советского ХИД, ориентированного на взрослого читателя, к психологическим и лингвистическим возможностям ребенка и подростка, а с другой – к постепенному развитию читательского восприятия путем усиления выразительности языковых средств.

Таким образом, *этнос-мотивационно-диспозитивные параметры* идиостиля А. Гайдара, отвечая общим принципам советского ХИД, отличаются художественной индивидуализацией исповедуемых морально-нравственных ценностей, прагматических устремлений и особенностями их композиционного вы движения и актуализации. *Логосно-тезаурусно-инвентивные параметры* гайдаровского идиостиля определяются словесно-мыслительной основой советского ХИД, спецификой лингвокогнитивного уровня советской литературной личности и оригинальностью творческих решений в рамках ограниченного круга тем и трактовок для художественной интерпретации. *Пафосно-вербально-элокутивные параметры*, реализуемые в текстовом массиве А. Гайдара, демонстрируют идиостилевую специфику лингвистических и риторических способов выражения эмоциональной экспрессии.

Перспективы исследования усматриваются в дальнейшем развитии теории языковой и литературной личности, выражающей в условиях тоталитарного строя идеологию того или иного типа путем создания ХИД; в рассмотрении в лингвориторической парадигме идиостилевой специфики творчества других советских писателей, реализовавших свой художественный потенциал в сфере детской литературы; в расширении представлений об идиостиле А. Гайдара за счет включения в корпус исследуемых текстов публицистики данного автора.

Основные положения диссертации отражены в следующих *публикациях* автора, общим объемом 7,15 п.л.:

1. *Калайджян И.К. Эмоционально-экспрессивный аспект репрезентации идеологической составляющей идиостиля А.П. Гайдара как советской литературной личности // *Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки»* / Отв. ред. В.И. Голдин. Архангельск: Издательский центр Поморского университета, 2007. № 5. С. 113–116.

2. Калайджян И.К. Идиостиль А. Гайдара как советской литературной личности: лингвориторический аспект // Проектирование инновационных процессов в социокультурной и образовательной сферах: Матер. 6-й Междунар. науч.-метод. конф. Сочи: РИО СГУТиКД, 2003. С. 199–202.

3. Калайджян И.К. Элокуция как конечный результат процесса художественного творчества (на материале «Сказки о военной тайне» А.П. Гайдара) // Проектирование инновационных процессов в социокультурной и образовательной сферах: Матер. 7-й Междунар. науч.-метод. конф. Сочи: РИО СГУТиКД, 2004. С. 140–142.

4. Калайджян И.К. Литературоведческая интерпретация творчества А. Гайдара: традиции и современный взгляд // Лингвистика и межкультурная коммуникация: Сб. науч. ст. Архангельск: Поморский университет, 2005. С. 49–55.

5. Калайджян И.К. Концепты и лексико-семантические поля – репрезентанты идиостиля А.П. Гайдара как советской литературной личности // Гуманитарные науки: исследования и методика преподавания в высшей школе: Матер. 3-й Всерос. науч.-метод. конф. Сочи: РИО СГУТиКД, 2005. С. 197–200.

6. Калайджян И.К. Этнос большевистской социокультуры А. Гайдара: дидактический потенциал // Проектирование инновационных процессов в социокультурной и образовательной сферах: Матер. 8-й Междунар. науч.-метод. конф. Сочи: РИО СГУТиКД, 2005. С. 66–68.

7. Калайджян И.К. Лингвокогнитивный уровень языковой личности (на материале повести А.П. Гайдара «Р.В.С.») // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 7 / Под ред. проф. А.А. Ворожбитовой. Сочи: СГУТиКД, 2005. С. 62–69.

8. Калайджян И.К. Вербально-семантический уровень языковой личности (на материале повести А.П. Гайдара «Р.В.С.») // Дни науки Социально-педагогического института Сочинского государственного университета туризма и курортного дела: Матер. 5-й Студенч. науч.-практич. конф. Сочи: РИО СГУТиКД, 2006. С. 126–128.

9. Калайджян И.К. Нравственно-философский аспект как идеологическая составляющая идиостиля А.П. Гайдара // Гуманитарные науки: исследования и методика преподавания в высшей школе: Матер. 4-й Всерос. науч.-метод. конф. Сочи: РИО СГУТиКД, 2006. С. 156–159.

10. Калайджян И.К. Типология идеологем в художественном наследии А.П. Гайдара // Текст и контекст в языковедении: Матер. X Виноградовских чтений / Отв. ред. Е.Ф. Киров. М.: МГПУ, 2007. С. 282–286.

11. Калайджян И.К. «Инвентивная решетка» дискурса А. Гайдара как основа моделирования картины мира // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 9 / Под ред. проф. А.А. Ворожбитовой. Сочи: СГУТиКД, 2007. С. 57–65.

12. Калайджян И.К. Базовые антропоцентрические понятия современной языковедческой теории как ориентиры для исследования дискурса А.П. Гайдара // Дни науки Социально-педагогического института Сочинского государственного университета туризма и курортного дела: Матер. 6-й Студенч. науч.-практич. конф. Сочи: РИО СГУТиКД, 2007. С. 206–208.

13. Калайджян И.К. Сущностные признаки идиостиля А.П. Гайдара как советской литературной личности // Гуманитарные науки: исследования и методика преподавания в высшей школе: Матер. 5-й Всерос. науч.-метод. конф. Сочи: РИО СГУТиКД, 2007. С. 215–218.

14. Калайджян И.К. Концепт «Дом» в художественном дискурсе А.П. Гайдара // Проблемы современной когнитологии и семантики: Сб. науч. ст. по матер. Всерос. науч.-практич. конф. Чебоксары: ЧГПУ, 2007. С. 77–81.

15. Калайджян И.К. Диспозитивные особенности художественного дискурса А.П. Гайдара // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 10 / Под ред. проф. А.А. Ворожбитовой. Сочи: РИО СГУТиКД, 2007. С. 90–95.

16. Субботина И.К. Подтекст как одна из характерных особенностей композиции произведений А.П. Гайдара // Актуальные вопросы когнитивной семантики и организации текста: Сб. науч. ст. по матер. V Междунар. науч.-практич. конф. Чебоксары: ЧГПУ, 2009. С. 62–67.

17. Субботина И.К. Категория «художественно-идеологический дискурс как языковедческий коррелят литературоведческой категории «социалистический реализм» (на материале творчества Аркадия Гайдара) // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 14 / Под ред. проф. А.А. Ворожбитовой. Сочи: СГУТиКД, 2009. С. 150–159.

18. Субботина И.К. Лингвориторические параметры художественно-идеологического дискурса советской литературной личности (Аркадий Гайдар) // Актуальные проблемы коммуникации и культуры: Междунар. сб. науч. тр. Вып. 11. М.–Пятигорск: ПГЛУ, 2010. С. 129–134.

19. Субботина И.К. Советский художественно-идеологический дискурс и детская литература 20-х – начала 40-х гг. (на материале творчества А. Гайдара) // Гуманитарные науки: исследования и методика преподавания в высшей школе: Матер. 8-й Всерос. науч.-метод. конф. Сочи: РИЦ СГУТиКД, 2010. С. 223–226.

20. Субботина И.К. Идеологическая когнитивная призма вариативной интерпретации действительности в советском / постсоветском филологическом дискурсе (феномен Аркадия Гайдара) // Когнитивная лингвистика и вопросы языкового сознания: Матер. Междунар. науч.-практ. конф. 25–26 ноября 2010 г. Краснодар: КубГУ, 2011. С. 73–75.

21. Субботина И.К. Лингвориторическая самопрезентация советской литературной личности в идиодискусе Аркадия Гайдара // Риторика как предмет и средство обучения: Матер. XV Междунар. научн. конф., Москва, 1–3 февраля 2011 г. М.: МПГУ, 2011. С. 315–317.

102